

Фольклористика

УДК 39, 398
DOI 10.17223/18137083/70/1

В. Л. Кляус¹, Л. П. Махова², А. А. Острогская¹

¹ *Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва*

² *Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского*

Частушки и припевки китайских русских Северной Маньчжурии*

Рассмотрены частушки и танцевальные припевки как единственные фольклорные песенно-поэтические жанровые образования, сохраняющие у китайских русских Трехречья (КНР) традиционные формы бытования и исполнения, в том числе русско-китайские гибридные частушки, а также частушечные тексты на китайском языке. В рамках статьи были выработаны принципы публикации русско-китайских частушек и частушечных текстов на китайском языке для всестороннего понимания их специфики на двух языках с переводом, транскрипцией и нотировкой мелодики. В основу исследования положены полевые материалы, собранные авторами в ходе экспедиций в КНР в 2007–2018 гг. и в Австралию в 2016 г.

Ключевые слова: научное издание фольклорных текстов, фольклор китайских русских, КНР, Трехречье, китайские русские, фольклорные традиции русско-китайского пограничья, частушка.

Песенный репертуар китайских русских городского округа Эргуна Хулунбу-урского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР с точки зрения

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00493 «Русский фольклор на китайском языке в Северной Маньчжурии: исследования и текст».

Кляус Владимир Леонидович – доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, Россия; v.klyaus@mail.ru)

Махова Людмила Петровна – научный сотрудник Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского (ул. Б. Никитская, 13/6, Москва, 125009, Россия; mahoba@mail.ru)

Острогская Анна Андреевна – аспирант отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, Россия; anna.ostrogskaya@gmail.com)

фольклорной составляющей в его русской части ¹ довольно скуден. За весьма долгий период проведения полевых исследований (а один из авторов настоящей статьи впервые побывал в этом регионе в 2007 г.) удалось зафиксировать не более десятка песен, относящихся к подлинно народной лирике. Если к ним даже прибавить некоторое число текстов, зафиксированных другими исследователями, то их все равно будет немного, и почти все они записаны в одном варианте. Речь идет, конечно, о достаточно полных текстах, а не об отдельных отрывках, которые, без сомнения, свидетельствуют, что когда-то песенная традиция русских предков современных китайских русских была намного богаче.

Русские частушки и припевки

Единственный фольклорный песенно-поэтический жанр, сохраняющий сегодня у китайских русских традиционные формы бытования и исполнения – это частушка. Практически все исследователи отмечают данный факт. И мы неоднократно были свидетелями тому, что частушки, или, как их здесь еще называют, «припевки» ², звучат во время семейных застолий дома или в кругу друзей во время празднований в ресторане, особенно когда устраиваются пляски под гармошку, или в долгих переездах на машине из поселка в поселок...

По рассказам наших респондентов, частушечные агоны имеют место на свадьбах и исполняются вместо корильных свадебных песен:

Та[г]да, ой, пасёлак, – тот пасёлак. Мы вместе [паём], патом ты – пра меня, мы – пра тибя! А мне, как жа, в Ерьнишном мы были, на свадьбу ездиди, Маруся-та пела, как?

- (1) Самалёт летит,
Калёса стёрлися.
Мы не звали вас,
А вы припёрлися. [М. Д. проговаривает текст]

Ну, а я говырю:

- (2) На Еринишной халастёжь –
Пад лахánкай ни найдёшь.
Падайдёшь, лахánку пнёшь, –
Да павалитса халастёжь. [М. Д. поет – ноты 1].

– Оне патом, как... «Бабёнки пачернёли как грибы...» [М. Д.]
– «Имануха бóкам, бóкам...» [А. Д.]

- (3) (й)Имануха бóкам, бóкам,
(й)Иманяты на дыбы.
Каравáнски-та бабёнки
Пачарнёли как грыбы. [Поют М. Д. и А. Д. – ноты 2]

¹ Наши полевые исследования показали, что китайские русские немало знают также китайских и монгольских песен, но какие из них являются фольклорными, а не авторскими, этого сказать мы не можем.

² Для китайских русских слова «частушка» и «припевка» – синонимы. «Припевки» – местное название 2-, 4- и 6-строчных частушек.

– Ха-ха-ха. [Все смеются.]

– Кто научил, я не знаю! <...> Один то что у вас там посёлок, у меня. Но и один вот, про одного поют така, но. Потом поют, поют, да еще осердятся. Мы да осердились! Ха-ха-ха. Я, [мы] не можем-то перепеть-то их... [М. Д.]

[ФК ИМЛИ РАН³. HD1: vk180411-03. Маруся Дементьева 1941 г. р., Анна Дементьева 1953 г. р. Запись В. Л. Кляуса, М. П. Кляус]

После культурной революции, особенно после обретения китайскими русскими этничности, которая легализовала и позволила развивать, хотя и в своеобразной форме, традиционную русскую национальную праздничную культуру, частушка оказалась наиболее продуктивным, а самое главное – массовым фольклорным жанром. На официальных празднествах Рождества, Пасхи она исполняется не только во время постановочных, в том числе танцевальных, номеров на сцене, но и во время гуляний, когда в импровизированном кругу начинают под музыку петь частушки, и любой желающий, взяв микрофон, может пропеть свою.

Но китайскими русскими городского округа Эргуна частушки не только поются. Нередко они просто произносят тот или иной частушечный текст по ассоциации с какой-либо конкретной ситуацией или чьим-либо высказыванием. Частушка в таких случаях становится своеобразной пословицей, переводя в ироничную, шутливую форму действия или слова человека. Примером может быть эпизод из фильма «Трёхречье... Русский мир Китая» [DVD Кляус 2016], когда одна из героинь вытаскивает из печки противень с калачами. Видеозапись была сделана в 2013 г. в пос. Эньхэ (старое русское название – Караванная). Маруся Дементьева была недовольна тем, что мешали ее работе, но не подавала виду. Потом, шутя, она неоднократно припоминала об этом и говорила автору фильма, что была очень раздражена его присутствием с видеокамерой. Текст частушки фактически поспособствовал снятию эмоционального напряжения исполнительницы в этой ситуации, так как после ее произнесения она улыбается:

Говорили так русски – на лопаты садят... хлеб. А песню пели:

- (4) Каравански-та бабёнки
Научились хлеб пегчи:
В печку садят на дрожжах,
С печки тянут на вожжах.
[DVD Кляус 2016: 19'20"–19'35"]

Кроме отдельных текстов китайским русским известны «частушечные серии» – «Подружка моя», «Дорогая моя, Тоня», «Сербиянка». Популярны среди китайских русских танцы «Кабачок» и «Бубриха», частушки к которым являются танцевальными припевками.

Особый интерес представляет пляска «Бубриха» под гармошечный наигрыш «Саратова» (= «Сормача»⁴), так как припевки под него в Трёхречье буквально на наших глазах определенным образом эволюционировали. В 2007 г. одним из авторов настоящей статьи пляска «Бубриха», во время которой мужчины и женщины по очереди исполняли частушки («припевки») на разные напевы, была зафиксирована на видео. Остановимся на ней подробнее.

³ Фольклорная коллекция Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

⁴ Наигрыш известен в Сибири под названием «Саратова», а в европейской России – в Рязанской, Нижегородской и Ульяновской областях – «Сормача» (например, см.: [RDCD 00646, № 22]). В Саратовской области наигрыш получил название «Страханка» (= «Астраханка»), см.: [Михайлова, 2009, с. 64].

Наигрыш «Саратова» строится на двух основных ритмо-гармонических звеньях (фразах из 4-х тактов). Своеобразие каждого звена определяет устойчивая последовательность созвучий. В звеньях *a* и *b* в качестве субдоминанты используется минорный аккорд VI ступени, в звене *c* – мажорная субдоминанта (IV ступень).

The image shows three musical staves, labeled 'a', 'b', and 'c', in bass clef with a key signature of two flats. Each staff contains a sequence of chords and notes with fingerings (7) and dynamic markings (M, B).
 Staff 'a' (labeled 'A' at the end) contains: V₇, V₇/III, VI, V₇, V₇/III, I.
 Staff 'b' (labeled 'B' at the end) contains: V₇, III₇, VI, V₇, I.
 Staff 'c' (labeled 'I' at the end) contains: V₇, III₇, IV, V₇, I.

Звено *a* является основой инструментального отыгрыша: аккомпанемент (бас – аккорд) исполняется часто, в гармонии первого такта встречается полиаккорд: септаккорд V ступени на басу *fa* (III ступень). В начале звена *b* с теми же басами звучит последовательность септаккордов V и III ступеней; затем басы и аккорды исполняются растяжно, аккомпанируя звучащим в это время частушкам (*Ноты 3*). Звено *c* используется лишь однажды – в качестве аккомпанемента к последней строке частушки «По Саратову гуляли» (*такты 30–33*).

Первую частушку на известный в Сибири напев «Саратова» несколько раз в течение танца пели женщины. Композиция данной формы строится на основе периода из двух предложений (A B), каждое из которых состоит из двух звеньев: A(aa) B(bb).

Четырехстрочную припевку «По Саратову гуляли» женщины пели всегда растяжно, с делением текста песенной строфы пополам в такой последовательности: 8 тактов инструментального наигрыша на гармонии (предложение A), две строки текста частушки (B, 8 тактов), затем повторялся инструментальный наигрыш (A) и исполнялась вторая половина припевки. При этом для 3-й строки частушки гармонист играл звено *b* (4 такта), а для окончания – звено *c* (4 такта). Вся форма заняла 32 такта⁵ (см. *ноты 3, частушка 1, такты 2–33*).

Композиция «Саратова»: A(aa) B¹(bb); A(aa) B²(bc).

⁵ Аналогичное строение (ABAB) имеет частушка под наигрыш «Саратова» из с. Талое Ирбейского р-на Красноярского края [DVD 2004 Бытовые танцы и кадрили Красноярского края].

(5-1) (инструментальный отыгрыш)	(А, 8 т.)
1. Па Сарáтаву гуляли.	(b, 4 т.)
Тай, ля-ли-ля, тай, ля-ля.	(b, 4 т.)
(инструментальный отыгрыш)	(А, 8 т.)
Ох, Сарáтав – гóрад славный	(b, 4 т.)
На реке стаял большóй.	(с, 4 т.)

Два других напева частушек с тем же наигрышем прозвучали в исполнении мужчин. Вторую и третью частушки – про праздники Покров и Троицу (*ноты 3, такты 34–65*) спел мужчина с низким голосом. Частушки были разделены между собой инструментальным отыгрышем (8 тактов).

(5-2) (инструментальный отыгрыш)	(А, 8 т.)
2. Я биз сена, я биз дров, –	(b, 4 т.)
Праздник Пакрóв.	(b, 4 т.)

(5-3) (инструментальный отыгрыш)	(А, 8 т.)
3. Всё травой пакрóбитса, –	(b, 4 т.)
Праздник Троица! ⁶	(b, 4 т.)

Четвертую частушку, мелодика которой строится на двух музыкальных мотивах известной в казачьей среде песни «Пчёлочка золотая»⁷, один из танцоров, мужчина, запел про Буброва (*ноты 3, такты 66–73*):

(5-4)	
4. – [Ты ли да Бубриха!]	(2 т.)
– Я ли да Бубров!	(2 т.)
– Ты ли да биз сéна!	(2 т.)
– Да я ли да биз дров!	(2 т.)
[ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2007, группа исполнителей. Видеозапись В. Л. Кляуса – <i>ноты 3</i>]	

Частушка была исполнена вместе с инструментальным отыгрышем (предложение А), при этом напев частушки и мелодическая линия в правой руке гармониста совпадали.

Для сокращения объема нотного примера мелодия, исполняемая на правой клавиатуре гармонии, выписана только в самом начале. Далее, чтобы показать структуру песенных форм и наигрыша, приводится только партия левой руки – гармоническая основа наигрыша. Важно отметить, что, сопровождая частушкой, гармонист поддерживает мелодическую линию голоса минимальными средствами – не играет яркой мелодической линии правой рукой (*ноты 3, такты 10–17*).

Танец «Бубриха» под наигрыш «Саратова» пришел в Китай из Забайкалья. Об этом свидетельствует запись В. П. Зиновьева припевки с зачином «Ты Бобриха, да я Бобров», которая сделана в 1981 г. в с. Шелопугино Читинской области. Она опубликована в разделе «Плясовые песни». В тексте встречаются оба «знакомых» слова, от которых происходят названия наигрыша: сибирское «Саратова» и местное, забайкальское, – «Бобриха»:

⁶ Вариант известной частушки: «Скоро праздник Троица, / Земля травой покроется!», которую трёхреченцы знают.

⁷ «Пчёлочка золотая» – фольклоризировавшийся вариант песни на стихи Г. Р. Державина «Пчёлка» («Пчёлка золотая! / Что ты жужжишь?», 1796). Подробнее см.: [Гусев, 1988, т. 1, с. 108, 578].

Ты Бобрѣха, да я Бобров,
Завтре праздничек Покров.
Научила да нас Бобрѣха
По Саратову гулять,
Что Саратов – город славный,
На реке стоял большой.
[Зиновьев, 2006, № 131] ⁸

При записи «Бубрихи» отдельно от танца и наигрыша трехреченцы ни разу не вспомнили «про Саратов» и текст припевки исполняли на напевы частушек 4 и 2 (*ноты 3*), сложившиеся в единую самостоятельную песенную форму (*ноты 4* и *8*). Вначале текст исполняется на музыкальный мотив песни «Пчёлочка золотая» (третий частушечный напев, см. *ноты 3, такты 66–73*), при этом ее трехреченцы не знают, она ни разу не фиксировалась у них ни одним исследователем даже в воспоминаниях; а затем звучит «припев» на напев частушки про «праздник Покров» (см. *ноты 3, такты 42–49*).

Текст частушки обычно имел следующий вид:

(6) – Ты ли да Бубри́ха! (2 т.)
– Да я ли да Бубро́в! (2 т.)
– Ты ли биз сэна. (2 т.)
– Да я ли да биз дро́в. Ой! (2 т.)
(Припев)
Завтры пра́здничек Пакро́в, – (4 т.)
Ты биз сэна, я биз дров. (4 т.)
[ФК ИМЛИ РАН. HD1: vk180411-01. Ольга Кузнецова, 1936 г. р. Запись В. Л. Кляуса, М. П. Кляус, А. А. Острогской – *ноты 4*]

Собственно, перед нами пример того, что может происходить с фольклорными текстами при отрыве от инструментального сопровождения. Два разных напева частушек соединились в одну новую двухчастную (составную) песенную строфу, в которой вторая часть имеет смысл припевного раздела.

Следует отметить мастерство трехреченских певцов. Они не только сохраняют живую традицию исполнения частушек, но также хорошо слышат гармонию инструментального наигрыша, что позволяет им в естественной ситуации бытования под один и тот же наигрыш подстраивать разные напевы (разные мелодические линии) частушек. Случай уникальный! За всю историю своей экспедиционной деятельности авторы статьи ни разу не встречали такого богатства мелодических вариантов «припевок», исполняемых с одним наигрышем.

Продолжая обзор трехреченских припевок и частушек, необходимо отметить редкие, но имеющие место переходы в «припевки» отдельных куплетов песенных текстов. В частности, так произошло с сочиненным в народе куплетом к известному городскому романсу Я. Ф. Пригожего (музыка) на стихи И. С. Никитина «Ехал из ярмарки ухарь-купец» (1858 г.) с припевом «Тру-ля-ля». Подчеркнем, такого «куплета» нет в тексте оригинала:

– А песни какие раньше пели? [Соб.]
– Песни? Но песни-та каторые, эта, пел, тожа забыл. Вот эта старухи вместе при гулянке-та. Как эта называтся вот эта песня-та. Э... Вот башка-то. Вот эту́й етай как-та **при гуля[нке]**... [NB!]:

⁸ Согласно представленной нотации, предполагается деление текста на частушки из двух строк [Зиновьев, 2006, с. 175–176].

- (7) Пейте, гуляйте, – а я ни хачу.
 За эту гулянку я заплачу.
 Вот это давече.
 – А дальше? [Соб.]
 Раз! тру-ля-ля, ещё два! тру-ля-ля,
 Ету гулянку я заплачу.
 – А дальше? [Соб.]
 – Забыл дальше. Вот это просто **отрывок** [NB!] такой.
 [ФК ИМЛИ РАН. HD1: klyaus_070829-10. Иван Васильевич Васильев,
 1921 г. р. Запись В. Л. Кляуса – ноты 5]

В стихотворении И. С. Никитина «Ехал из ярмарки ухарь-купец» текст написан строфами по 14 строк. По комментариям В. Е. Гусева, в песенниках песня встречается с конца XIX в. [Гусев, 1988, т. 2, с. 453]. В народных фольклоризированных вариантах текст Никитина «разрезан» на строфы по 2 строки, к которым добавлены припев и повтор 2-й строки. Форма песенной строфы – дважды повторенное предложение (8 т.), состоящее из последовательности основных гармонических функций (Т-S-D-Т, ноты 5); ее структура:

напев: АВ¹АВ²
 текст: АБПБ

В исполнении Русского народного хора под управлением В. С. Варшавского, солист Нефёдов (запись начала XX в. издана на пластинке фирмы «Бека-Грандъ-Пластинка», матрица № 45379), песенная строфа уже имеет аналогичную структуру. Хор поет припев: *Трай-ляй, ляй-ляй, ляй-ляй, ля*⁹, после чего повторяет строку текста (солист: АБ, хор: ПБ).

В 1910–1912 гг. та же песня была записана в исполнении Надежды Плевицкой, аранжировщик и аккомпаниатор (фортепиано) – Александр Зарема (оригинальная матрица: Бека-Рекорд № 45662)¹⁰. Певица поет припевы: *Ай, ли...* или *Эх, раз...* и другие на фоне фортепианного отыгрыша при повторе музыкального периода.

Один из авторов статьи дважды фиксировал «Ухаря купца» в Трехречье во время застолий, и каждый раз куплет «Пейте, гуляйте...» звучал отдельно. Один раз, в 2013 г., в самом конце песни, после некоторой паузы, когда она вроде бы уже и закончилась. Другой раз, в 2014 г., наоборот: сначала одна исполнительница пропела «Пейте, гуляйте...», и только после этого ее соседка начала песню, но больше куплета «Пейте, гуляйте...» в ней не прозвучало. Это подтверждает то, что данный текст является отдельной припевкой, а не куплетом песни «Ухаря-купца», хотя и исполняется на ее напев.

В русской традиции чаще всего встречающийся припев песни – *Эх, раз! Тру-ля-ля! Ещё раз! Тру-ля-ля*¹¹. У китайских русских этот припев для самой песни не обязателен, а вот когда поются «Пейте, гуляйте...» отдельно, то без него никогда не обходится, причем второе «раз» в нем заменено на «два» (см. текст (7)).

⁹ [Юрий Берников]. Мир русской грамзаписи (www.russian-records.com). Указатель этикеток. Указатель имен, 2006–2012. URL: https://www.russian-records.com/details.php?image_id=24878 (дата обращения 17.03.2019).

¹⁰ [Юрий Берников]. Мир русской грамзаписи (www.russian-records.com). Указатель этикеток. Указатель имен, 2006–2012. «Ухарь-купец», народная песня. Н. В. Плевицкая (меццо-сопрано). URL: https://www.russian-records.com/details.php?image_id=53655 (дата обращения 17.03.2019).

¹¹ См., например, «Ухарь-купец» в исполнении уральских казаков: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oFKANqjHZkQ> (дата обращения 17.03.2019).

Функционально «Пейте, гуляйте...» – частушка, так как главная особенность этого трехреченского текста состоит в ситуации его исполнения: мы не раз были свидетелями того, когда при дружеском застолье присутствующие уже достаточно хорошо выпьют, хозяин вставал и весело пел «Пейте, гуляйте...».

Китайско-русские частушки и припевки

Учитывая массовое бытование частушек и припевок в среде китайских русских, билингвизм исполнителей (свободное владение старшим поколением и китайским языком, и русским, в его забайкальской диалектной форме), вполне закономерно появление двуязычных русско-китайских и китайских частушечных текстов и припевок.

Русско-китайские частушки – явление, видимо, довольно раннее. В 2014 г. в Якутске один из авторов настоящей статьи записал от Ю. И. Шейкина, выдающегося российского этномузыковеда, песни его мамы Е. Т. Тарасенковой (1913 г. р., в девичестве – Кайкова).

Евдокия Трифоновна была родом из забайкальской приаргунской деревни Патрино. Кроме песен Юрий Ильич вспомнил и одну ее частушку:

*Хóдя мой, хóдя мой,
Ты моя атрáда!
Не любíла бы тебá,
Да тая́н мне на́до!*
[личный архив В. Л. Кляуса]

Здесь использовано два китайских слова: *хóдя* (дружок) – 伙计 [huǒjì] и *тая́н* (серебряная монета) – 大洋 [dàiyáng].

В Трехречье мы также встретили частушку с зачином *Ходя мой, ходя мой*, а в г. Урумчи записали текст, в котором употреблено близкое по значению слово к *таян*: *чана* (деньги) – 钱 [qián], за которые лирическая героиня любит китайца (см. ниже). Частушка мамы Юрия Ильича однозначно свидетельствует о том, что подобного рода тексты на российско-китайском пограничье пели уже в 20–30-е гг. XX столетия.

Такие частушки макаронического характера мы называем гибридными. В какой-то степени подобные тексты можно рассматривать как песенный эквивалент китайско-русского пиджина, известного с XIX в. в забайкальском российско-китайском пограничье. Китайско-русский пиджин как особое наречие сформировался при взаимном проникновении русского и китайского языков. Для него характерно появление эпентетических гласных в русской лексике, когда каждый слог, как и в китайском языке, формируется согласной и последующей за ней гласной. Слова записывались кириллицей, а предложение строилось по правилам китайской грамматики. Появление пиджина было тесно связано с развитием торговли на приграничной территории, позднее он использовался и в ходе общения русских с китайскими рабочими не только в Забайкалье, но и в Маньчжурии. Именно на северных территориях Китая в конце XIX столетия пиджин применялся довольно активно (издавались словари, принимались экзамены), и, несмотря на то, что в начале XX в. он был вытеснен русским языком в связи с большим притоком русского населения и созданием школ, где преподавали русский язык, он сохранялся вплоть до начала культурной революции. Русские эмигранты в Китае на китайском почти не говорили, и пиджин выполнял роль языка межнационального общения при контактах с китайским населением, а также в русско-китайских семьях (см.: [Мусорин, 2004; Беликов, 1997]).

Прежде чем дать примеры гибридных частушек, мы должны сделать важное замечание – они публикуются в трех вариантах, отличающихся подачей китайских слов:

- 1) в иероглифах;
- 2) в транскрипции пиньинь;
- 3) в кириллической транскрипции.

На наш взгляд, только в таком виде публикация гибридных частушек может передать специфику данных фольклорных текстов. Необходимость иероглифического воспроизведения обусловлена тем, что иероглифика – общепринятое написание китайских слов. Транскрипция в пиньинь передает звучание текста, отражая в некоторых случаях его диалектные особенности, что невозможно сделать иероглификой. Но транскрипция в пиньинь «не читается» по-русски. Именно кириллическая транскрипция китайских слов, которая передает общий характер их звучания, позволяет донести до русского читателя форму, строй, ритмику и рифму гибридной частушки. Перевод китайских слов мы посчитали удобным сделать при транскрипции пиньинь, так как в значительной степени она носит служебный, технический характер.

К примеру, была записана следующая частушка от Василия Зоркольцева из пос. Эньхэ. Исполнитель не спел, а проговорил ее:

(8)

Текст с иероглификой

伙计 мой, 伙计 мой,
Сядь на лавачку са мной!
Ты карявый, я рябой –
Пацалуемся с табой!

Текст в кириллической транскрипции

Ходя мой, ходя мой,
Сядь на лавачку са мной!
Ты карявый, я рябой –
Пацалуемся с табой!

Текст в транскрипции пиньинь, перевод

Ниǒjǐ [дружок] мой, huǒjǐ [дружок] мой,
Сядь на лавачку са мной!
Ты карявый, я рябой –
Пацалуемся с табой!

[ФК ИМЛИ РАН. HD1: vk150420-03 14. В. Зоркольцев, 1944 г. р.
Запись В. Л. Кляуса]

От Маруси Дементьевой из пос. Эньхэ мы неоднократно записывали следующую частушку:

(9)

Текст с иероглификой

Галава балит,
Да пайдú к дóктару лечить.
Дóктар скажет: «活不了,
Кавó любишь, – 忘不了!»

Далее исполнительница проговаривает:

Али:
Доктар скажит: «好了 будишь,
Каво любишь, – таво забудишь!»

Текст в кириллической транскрипции

Галава балит,
Да пайдү к доктару лечить.
Доктар скажет: «*Хо буляо*,
Каво любишь, – *ван буляо!*»

Далее исполнительница проговаривает:

Али:
Доктар скажит: «*Хаолэ* будишь,
Каво любишь, – таво забудишь!»

Текст с транскрипцией пиньинь и переводом

Галава балит,
Да пайдү к доктару лечить.
Доктар скажет: «*huó bùliǎo*,
[не сможешь выжить]
Каво любишь, – *wàng bùliǎo*.
[не можешь позабыть]

Далее исполнительница проговаривает:

Али:
Доктар скажит: «*hǎole* [поправляться] будишь,
Каво любишь, – таво забудишь!»
[ФК ИМЛИ РАН. HD1: Трехречье 2014, vk130614-01. Маруся
Дементьева 1941 г. р. Запись В. Л. Кляуса – ноты б]

Последние две строчки «Доктар скажет: “*Хаолэ* будишь...”» никогда не пропеваются исполнительницей, хотя первоначально, возможно, они были частью отдельной частушки, которая начиналась, как и эта, составляя таким образом частушечную мини-серию.

Следующая частушка была записана от Ольги Кузнецовой из пос. Ардуй (старое русское название Покровка). При этом начал петь Костя Балябин, ее племянник, который знал только первые две строчки – *А (й)йгэ, ту-ря-ря, Лянгэ, тур-ря-ля*, а тетушка подхватила и пропела до конца:

(10)

Текст с иероглификой

一个 ту-ря-ря,
两个 тур-ря-ля, }
两个 тур-ле-са, }
Хаді в наши 房子
包饺子, кушейя.

Текст в кириллической транскрипции

А (й)и́гэ, ту-ря-ря,
Ля́нгэ, тур-ря-ля, }
Ля́нгэ, тур-ле-са, }
Хадí в наши фáнцзы
Бао цзя́оцзы, – кушейя́.

Текст с транскрипцией пиньинь и переводом

yīgè [один] ту-ря-ря,
liǎng gè [два], тур-ря-ля, }
liǎng gè [два], тур-ле-са, }
Хадí в наши fángzi [дома]
bāo jiǎozǐ [лепить пельмени] – кушейя́.

[ФК ИМЛИ РАН. HD1: vk180411-01. Ольга Кузнецова, 1936 г. р.,
Костя Балябин, 1960 г. р. Запись В. Л. Кляуса, М. П. Кляус,
А. А. Острогской – ноты 7]

В последнем тексте использован припев из фольклоризированного варианта песни «Ехал из ярмарки ухарь-купец» (см. выше). Кроме того, в нем наиболее ярко видно влияние китайско-русского пиджина – слово *кушейя*.

Использование китайских слов в русских *частушечных* формах, когда они прекрасно понимаются и самим исполнителем, и теми, для кого он поет, создает дополнительный смеховой эффект, что в целом характерно для макаронической поэзии.

Подобного рода гибридные частушки исполняются вместе с частушками на русском языке и никак от них не отделяются.

Сложнее обстоит дело с частушками и припевками полностью на китайском языке. На наш вопрос относительно их бытования многие респонденты давали отрицательный ответ, притом что практически все знают переведенные на китайский язык русские песни.

Переводные песни – это особое явление фольклорной культуры китайских русских, и здесь мы их касаться не будем. Заметим только, что бытования на китайском языке подлинно фольклорной песенной русской лирики не зафиксировано. Переводились и до сих пор с удовольствием китайскими русскими исполняются советские песни – «Катюша», «Подмосковные вечера», «Волховская застольная», «Рябинушка» и авторские произведения. По сути, они – наследие советско-китайской дружбы 1940–1950-х гг.

И все же частушки и припевки на китайском языке существуют. Более того, именно сегодня наиболее благоприятное время для их появления и бытования.

К примеру, Варвара Ушакова, по ее собственным словам, перевела на китайский язык ¹² припевку танца «Бубриха» (русский текст см. (6), ноты 4):

(11)

Текст в иероглифике

你没有裤子,
我没有袄,
你没有柴火,
我没有草。

¹² Мы считаем, что при публикации подобных частушек нет необходимости воспроизведения текста в кириллической транскрипции.

明天也要过节了，
你没有柴火，我没有草。

Перевод

У тебя тоже нет штанов, –
У меня тоже нет кофты.
У тебя нет дров, –
У меня нет сена.
Завтра будем праздновать!
У тебя нет дров, у меня нет сена.

Текст в транскрипции пиньинь

Nǐ méiyǒu *kùzi*¹³,
Wǒ méiyǒu āo,
Nǐ méiyǒu *cáihuǒ*,
Wǒ méiyǒu cǎo.
Míngtiān jiù yào guò jiēliào,
Nàgā nǐ méiyǒu *cáihuǒ*, wǒ méiyǒu cǎo.
[ФК ИМЛИ РАН. HD1: vk180410-01. Варвара Ушакова, 1944 г. р.
Запись В. Л. Кляуса, П. М. Кляус – ноты 8]

Сопоставление с русским текстом «Бубрихи» (см. выше *текст 5-2*) показывает, что на китайский язык Варвара Ушакова не перевела название праздника, так как понимала, что сделать это невозможно. В целом содержание русского текста переведено в самом общем виде, но для китайского слушателя в нем мало логики. Передана лишь общая мысль о нерадивых мужчине и женщине (без указания на то, что они муж и жена), у которых нет перед каким-то праздником: у женщины – кофты и сена; у мужчины – штанов и дров. Заметим, что знающий русские реалии понимает, что отсутствие перед праздником Покрова дров и сена – это настоящая беда. В китайском тексте к этому добавляется отсутствие у героев одежды, что создает смеховой эффект для всей ситуации: как же они будут праздновать?

Варвара Ушакова активно выступает в художественной самодеятельности г. Эргуна (Лабдарин), она одна из основных участниц русского народного ансамбля. «Бубриха» нередко танцуется на сцене в концертах. Стремление перевести припевку этого танца на китайский язык объясняется, видимо, тем, чтобы сделать ее хоть немного понятной китайскому зрителю и чтобы более молодые члены коллектива, не говорящие по-русски, также могли ее петь.

Частушку на китайском языке мы услышали также от Семена Балябина, замечательного гармониста и песельника, который родился и вырос в Эньхэ, но последние годы проживает в Чите. Исполнитель проговорил текст:

(12)

Текст в иероглифике

我不要一普子面儿，
我也不要罗阿。
我的爱人亲亲我，
我一个礼拜也饱阿。

¹³ Жирным шрифтом здесь и далее в пиньинь обозначено диалектное произношение китайских слов.

Перевод

У меня нет муки,
У меня нет сита, –
Мой любимый поцелует меня,
Я неделю сыта.

Текст в транскрипции пиньинь

Wǒ bù yào yī pǔ zǐ miàn er,
Wǒ yě bù yào luō ā.
Wǒ de ài rén qīn qīn wǒ,
Wǒ yī gè lǐ bài yě **bo** ā.
[ФК ИМЛИ РАН. HD1: vk150420-03. Семен Балябин, 1941 г. р.
Запись В. Л. Кляуса]

По словам исполнителя, это перевод на китайский язык следующей русской частушки:

Мне не надо пуд муки,
И не надо сита,
Меня милый поцелует –
И неделю сыта.

Как видим, китайский вариант является довольно точным переводом русского текста.

В 2016 г. в Сиднее один из авторов настоящей статьи записал две частушки на китайском языке от Александры Лю, китайско-русской метиски в первом поколении, которая когда-то жила в Китае, в поселке недалеко от станции Якеши (КВЖД).

(13)

Текст в иероглифике

远方媒婆到我家,
马车前边镶金花,
等我擦好了胭脂粉,
人家决定不要了,
啦啦啦, 啦啦啦啦.

Перевод

Издали сваха приехала ко мне домой.
Телега золотом блестит.
Ждёт, пока я натру румянами [щёки],
Семья решит – «больше не надо».
Ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла.

Текст в транскрипции пиньинь

Yuǎnfāng méipó dào wǒ jiā,
Mǎchē **qiánbiān** xiāng jīnhuā,

Děng wǒ cānhǎole *yānzhǐfěn*,
Rénjiā juéding bù yào le.
Lā-lā-lā, lā-lā-lā-lā.

[ФК ИМЛИ РАН. HD1: Сидней 2016. Александра Лю, 1937 г. р.
Запись В. Л. Кляуса, М. П. Кляус – ноты 9]

Исходным текстом для этой частушки, вероятно, была следующая:

Приезжали меня сватать
С позолоченной дугой.
Пока пудрилась, румянилась –
Уехали к другой.
[Любовь, 2019]

Вторую частушку исполнительница спела сразу после первой. Но если содержание первой вполне понятно, то вторая явно разрушенная: она состоит из двух разных частушек, соединенных исполнительницей в одну (третья и четвертая строки – это повтор из первой частушки).

(14)

Текст в иероглифике

我的丈夫是傻瓜，
躺在床上不说话。
等我染好了胭脂粉，
人家决定不要了。
啦啦啦，啦啦啦。

Перевод

Мой муж дурак,
Лежит на кровати, молчит,
Ждёт, пока я накрашу румянами [щёки],
Семья решит – «больше не надо».
Ла-ла-ла, ла-ла-ла.

Текст в транскрипции пиньинь

Wǒ de zhàngfū shì shǎguā,
Tǎng zài chuángshàng bù shuō huà.
Děng wǒ rǎnhǎole *yānzhǐfěn*,
Rénjiā juéding bù yào le.
Lā-lā-lā, lā-lā-lā.

[ФК ИМЛИ РАН. HD1: Сидней 2016. Александра Лю, 1937 г. р.
Запись В. Л. Кляуса, М. П. Кляус – ноты 10]

Китайско-русские частушки были зафиксированы не только в Северной Маньчжурии. Одному из авторов данной статьи зимой 2018 г. удалось побывать Синьцзян-Уйгурском Автономном районе КНР и пообщаться с китайско-русскими метисами г. Урумчи. В ходе интервью выяснилось, что в их среде наряду с русскими бытуют также и гибридные частушки:

(15)

Текст с иероглификой

Мáманька ругáйтса,
Што люблю китáй(и)ца!
– Мама, дéла ни тваё –
Да мнóга 钱 у нивó!

Текст в кириллической транскрипции

Мáманька ругáйтса,
Што люблю китáй(и)ца!
– Мама, дéла ни тваё –
Да мнóга *чáна* у нивó!

Текст в транскрипции пиньинь, перевод

Мáманька ругáйтса,
Што люблю китáй(и)ца!
– Мама, дéла ни тваё –
Да мнóга *qiána* [денег] у нивó!

[ФК ИМЛИ РАН. HD1: vk20181218-01. Вера Молчанова, 1936 г. р.
Запись В. Л. Кляуса – *ноты 11*]

Вера Молчанова спела частушку и на китайском языке. Перед этим она сказала следующее: «Когда это чё, соберутся, по-китайске уже поют»:

(16)

Текст в иероглифике

今天我要喝醉了。
给我给个送路地，
给我给个送路地，
别有婆娘孩子爹。

Перевод

Сегодня я напьюсь,
Проводи меня.
Проводи меня,
[Только чтоб был] без жены и детей.

Текст в транскрипции пиньинь

Jīntiān wǒ yào hē *zuìliào*,
Gěi wǒ gěi gè sòng lù dì.
Gěi wǒ gěi gè sòng lù dì,
Bié yǒu pó niáng hái zǐ diē.

[ФК ИМЛИ РАН. HD1: vk20181218-01. Вера Молчанова, 1936 г. р.
Запись В. Л. Кляуса – *ноты 12*]

В русской фольклорной традиции наиболее близкий аналог данной частушки:

Ой, ночь темна,
Я боюсь идти одна,
Дайте провожатого,
Только не женатого.
[Частушки, 2012, с. 57]

Можно предположить, что исходным для китайского варианта был примерно следующий текст:

Сегодня я пьяна
Боюсь идти одна.
Дайте провожатого
Парня неженатого!

Но смысловое изменение могло произойти и непосредственно при бытовании частушки на китайском языке.

Главный вопрос, который возникает при работе с частушками и припевками на китайском языке: считать их фактом русского или китайского фольклора? На наш взгляд, ответ на него может быть следующим: частушки и припевки на китайском языке – это своеобразная жанровая форма фольклора китайско-русских метисов и только их. Данная этническая группа обладает особой гибридной идентичностью, специфическим бытовым укладом, в котором естественным образом соседствуют рядом элементы русской и китайской культуры (см.: [Кляус, 2018]). Частушечные китайские тексты – уникальная фольклорная жанровая форма китайских русских, эволюционно восходящая к русским частушкам и танцевальным, плясовым припевкам, но функционально играющая прежде всего презентующую роль их культуры.

Особый вопрос, который возникает при знакомстве частушечных текстов китайских русских на китайском языке: отражается ли на мелодике переход на чужой для традиции язык бытования? На нескольких зафиксированных нами образцах невозможно сделать определенных выводов, выскажем лишь предварительные наблюдения.

Медленных распевных частушек от китайских русских не записано. Напевная декламационность их частушек на русском языке проявляется в характере исполнения: слог равен одной ноте (см. *ноты 1, 2* и др.). Распевы используются для варьирования мелодической линии напева (*ноты 4, такт 13; ноты 5, такт 14*), но количество слогов с распевом на две ноты минимально (*ноты 3, такты 10, 42, 58*). Декламационность сохраняется и в частушках на китайском языке (*ноты 9, 10, 12*). Однако мелодичность и ни с чем не сравнимый колорит китайского языка благодаря наличию в нем тонов, которые выполняют в языке смыслообразующую роль, все же оказывают влияние на мелодику частушек, исполняемых на китайском языке: появляются нисходящие интонации (*ноты 6, такт 6*) и восходящие мелизмы, которые в русских частушках отсутствуют. К примеру, для сравнения: «Ты ли да Бубриха» на русском языке (*ноты 4, такт 10*) и на китайском – «Nǐ méiyǒu kùzǐ» (*ноты 8, такт 10*). Также показательно, что в гибридной частушке про пельмени восходящий тон в слове «fángzi» добавляет интонационное своеобразие распетому слогу (*ноты 7, такт 6*).

Теоретически можно предположить, что частушки сочиняются китайско-русскими метисами «сразу» на китайском языке и не имеют русского прототипа. Возможно, продолжая полевые исследования среди китайских русских КНР, мы сможем зафиксировать и такие. В настоящее время есть все условия для их бытования: естественная убыль знающих русский язык пожилых людей и активность более молодых китайских русских, не говорящих по-русски, но пытающихся сохранить некоторые танцевальные и песенные жанры фольклора своих русских предков.

Список литературы

Беликов В. И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1997. С. 90–108.

Кляус В. Л. Китайско-русские метисы Трехречья (КНР): идентичность во времени и пространстве // Историческая память и российская идентичность. М., 2018. С. 247–289.

Мусорин А. Ю. Лексика кяхтинского пиджина // Функциональный анализ языковых единиц. Новосибирск, 2004. С. 79–86.

Список источников

Гусев, 1988 – Песни русских поэтов: Сб.: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. В. Е. Гусева. Л., 1988. Т. 1. 664 с., илл. 8 л.; Т. 2: Середина XIX – начало XX в. 624 с., илл. 16 л. (Б-ка поэта. Большая серия)

Зиновьев, 2006 – Русские песни Восточной Сибири: Сб. [нар. песен] / Сост. В. П. Зиновьев. Иркутск, 2006. 252 с.

Любовь 2019 – Электронный ресурс: Что такое любовь, 2019. URL: <http://что-такое-lyubov.net/priezzhali-menya-svatat/> (дата обращения: 2019.03.12).

Михайлова, 2009 – Михайлова А. А. Звучит гармонь Саратовская... Традиционные наигрыши на саратовской гармонике. М.: Композитор, 2009. (Из коллекции фольклориста)

Частушки, 2012 – Ты дробь, дробь, подруга... Частушки Иркутской земли / Сост. Ю. Лыхин, А. Горбунов. Иркутск, 2012.

DVD Кляус 2016 – DVD. Трехречье... Русский мир Китая / Фильм Вл. Кляуса. М.: ИМЛИ РАН, 2016.

DVD 2004 – Бытовые танцы и кадрили Красноярского края: Учеб.-метод. фильм / Сост. И. Н. Горев, Е. В. Попкова; исполнители: фольклорный ансамбль «Живая старина» (рук. И. Н. Горев, Красноярск) и фольклорный ансамбль «Завалинка» (рук. Е. В. Попкова, Железногорск). Красноярск, 2004 г. DVD б/н.

RDCD 00646 – Народные песни и инструментальные наигрыши Шацкого района / Автор проекта В. Коростылев; науч. рук. Н. Гилярова. Диск № 7. Russian Disc, 2000. (Аудиозаписи № 1–22). (Антология музыкально-обрядового фольклора Рязанской области)

Приложение

Нотации выполнены Л. П. Маховой

Transcribed from audio recordings to musical notation by Lyudmila P. Makhova

Ноты 1 (текст 2)

♩ = 120

На Е-ри-ниш - най ха - ла - стёжь —

Пад ла - хан - кай ни най - дёшь.

Па - дай - дёшь, ла - ха́ - нку пнёшь, — да

Па - ва - літ - са ха - ла - стёжь.

Ноты 2 (текст 3)

$\text{♩} = 120$

(й)И - ма - ну́ - ха бо́ - кам, бо́ - кам,

(й)И - ма - ня́ - ты на ды - бы.

Ка - ра - ван - ски - та ба - бён - ки

Па - чар - не́ - ли как гры - бы.

Ноты 3 (текст 5-1, 5-2, 5-3, 5-4)

$\text{♩} = 120$

Гармония

1

7 7 М 7 7 Б

вариант:

10 Па Са - ра - та - ву

1. Па Са - ра - та - ву гу - ля - ли.

14 Тай, ля - ли - ля, тай, ля - ля.

Инструментальный отыгрыш

18

26 Ох, Са - ра - тав — го - рад слав - ный

Гармонь

III₇ VI

30

На ре - ке ста - ял баль - шой. //

Гармонь

7 7 Б 7 Б

III₇ IV

Инструментальный отыгрыш

34

2

7 7 М 7 7 Б

Второй частушечный напев:

42

2. Я биз сэ - на, я биз дров, —

Гармонь

7 7 М 7 Б

46

Празд - ник Па - крöv. //

46 Гармонь

7 7 М 7 Б

Инструментальный отыгрыш

50

3

7 7 М 7 7 Б

Второй частушечный напев:

58

3. Все тра - вой па - кро - ит - са, —

58 Гармонь

62

Празд - ник Тро - и - ца! //

62 Гармонь

Третий частушечный напев
(мужчина поёт одновременно с инструментальным отыгрышем):

66

[4.] — Я ли да Буб - ров!

4

70

— Ты ли да биз сэ - на! — Да я ли да биз дрóв! //

70

Ноты 4 (текст 6)

$\bullet = 100$

— Ты ли да Бу - бри - ха!

— Да я ли да Бу - бров!

— Ты ли да биз се - на.

— Да я ли да биз дров. Ой!

За - втры прэзд - ни - чик Па - кров ...ов, —

Ты биз се - на, я биз дров.

Ноты 5 (текст 7)

$\bullet = 120$

Пей - те, гу - ляй - те, — а я ни ха - чу. За

е - ту гу - лян - ку я за - пла - чу.

Раз! тру - ля - ля, е - ще *два!* тру - ля - ля,

T-----S-----

É - ту гу - лян - ку я за - пла - чу.

D-----T-----

Ноты 6 (текст 9)

Поёт: ♩ = 116

Га - ла - ва́ ба - лит, да

Пай - дý к дóк - та - ру ле - чить.

Речитативом:

Дóк - тар ска - жет: «Хо бу - ля - о,

Ка - во́ лю - бишь, — ван бу - ля - о!»

Али [или] 2-й вариант окончания:

Дóк - тар скá - жит: «Хаó - лэ бу́ - дишь,

Ка - во́ лю - бишь, — та - во́ за - бу́ - дишь!»

Ноты 7 (текст 10)

♩ = 110

Муж. А (й)й - гэ, ту - ря - ря, *Жен.* Ля́н - гэ, тур - ле - са,

Жен.

Ха - ди́ в на - ши фáн - цзы бао цзя-о-цзы, — ку - шей - я.

Ноты 8 (текст 11)

$\bullet = 120$

Nǐ méi - yǒu kù - zia,
Wǒ méi - yǒu áo,
Nǐ méi - yǒu cái - huǒ,
Wǒ méi - yǒu cǎo.
Míng - ti - ān jiù yà - o guò jié - liao, Na - ga
nǐ méi - yǒu cái - huǒ, wǒ méi - yǒu cǎo.

Ноты 9 (текст 13)

$\bullet = 116$

Yuǎn - fāng méi - pó dào wǒ jiā,
Mǎ - chē qián - biān xiāng jīn - huā,
Dēng wǒ cā - hǎo - le yān - zhī - fěi,
Rén - jī - ā jué - dìng bù - yào - le.

Musical notation for 'Ноты 10 (текст 14)'. It consists of two staves of music in a single system. The first staff has a treble clef, a key signature of one flat (B-flat), and a time signature of 8/8. The notes are quarter notes on the lines G4, A4, and B4, followed by a quarter rest. The lyrics are 'Lā - lā - lā,'. The second staff continues with quarter notes on G4, A4, and B4, followed by a quarter note on C5 and a quarter rest. The lyrics are 'Lā - lā - lā - lā.'.

Lā - lā - lā,
Lā - lā - lā - lā.

Ноты 10 (текст 14)

Musical notation for 'Ноты 11 (текст 15)'. It consists of six staves of music in a single system. The first staff has a treble clef, a key signature of one flat (B-flat), and a time signature of 2/4. A tempo marking '♩ = 116' is present. The notes are quarter notes on G4, A4, B4, and C5, followed by quarter notes on B4, A4, and G4. The lyrics are 'Wǒ - de zhàng - fū shì shǎ - guā,'. The second staff continues with quarter notes on G4, A4, B4, and C5, followed by quarter notes on B4, A4, and G4. The lyrics are 'Tǎng zài - chuáng - shàng bù shuō - huà.' The third staff continues with quarter notes on G4, A4, B4, and C5, followed by quarter notes on B4, A4, and G4. The lyrics are 'Děng wǒ rǎn - hǎo - le yān - zhī - fēr,'. The fourth staff continues with quarter notes on G4, A4, B4, and C5, followed by quarter notes on B4, A4, and G4. The lyrics are 'Rén - jiā jué - dìng bù - yào - le.' The fifth staff has a treble clef, a key signature of one flat (B-flat), and a time signature of 8/8. The notes are quarter notes on G4, A4, and B4, followed by a quarter rest. The lyrics are 'Lā - lā - lā,'. The sixth staff continues with quarter notes on G4, A4, and B4, followed by a quarter rest. The lyrics are 'Lā - lā - lā.'.

♩ = 116
Wǒ - de zhàng - fū shì shǎ - guā,
Tǎng zài - chuáng - shàng bù shuō - huà.
Děng wǒ rǎn - hǎo - le yān - zhī - fēr,
Rén - jiā jué - dìng bù - yào - le.
Lā - lā - lā,
Lā - lā - lā.

Ноты 11 (текст 15)

Musical notation for 'Ноты 11 (текст 15)'. It consists of two staves of music in a single system. The first staff has a treble clef, a key signature of two sharps (D major), and a time signature of 2/4. A tempo marking '♩ = 126' is present. The notes are quarter notes on G4, A4, B4, and C5, followed by quarter notes on B4, A4, and G4. The lyrics are 'Má - mǎn - kǎ pǔ - gǎ - it - sa,'. The second staff continues with quarter notes on G4, A4, B4, and C5, followed by quarter notes on B4, A4, and G4. The lyrics are 'Што люб - лю ки - та - й(и) - ца!'.

♩ = 126
Má - mǎn - kǎ pǔ - gǎ - it - sa,
Што люб - лю ки - та - й(и) - ца!

— Ма - ма, де - ла ни тва - ё — да

Мнó - га ча - на у ни - во!

Ноты 12 (текст 16)

♩ = 110

Jīn - ti - ān wǒ yào hē zuì - liao,

Gěi - wǒ gěi - gè sòng lù - di.

Gěi - wǒ gěi - gè sòng lù - di,

Bié - yǒu pó - ni - áng hái - zi diē.

V. L. Klyaus¹, L. P. Makhova², A. A. Ostrogskaia¹

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature, Moscow, Russian Federation
v.klyaus@mail.ru, anna.ostrogskaia@gmail.com

² Tchaikovsky Moscow State Conservatory, Moscow, Russian Federation
maxoba@mail.ru

Chastushka texts and couplets of Chinese Russian ethnic minority in North Manchuria of China*

The paper reviews the full texts of chastushka and dance couplets as the only folklore song-poetic genre that preserves the traditional forms of performance within ethnic minority group of Chinese Russians from the Three Rivers region (PRC) including examples of bilingual chastushka couplets, as well as texts in Chinese. The authors discover a new vision of chastushka texts, and the research is performed in an interdisciplinary way. The principles of publishing Russian-

* This paper is financially supported by grant of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 17-04-00493 “Russian folklore in Chinese language of the Northern Manchuria: Studies and texts”.

Chinese chastushka texts and couplets in Chinese in two languages with translation, transcription, and melody notation have been worked out for a comprehensive understanding of their specificity. The research is based on fieldwork data materials collected by the authors during expeditions to the PRC from 2007–2018 and to Australia in 2016.

The analysis of the texts in Russian and a melody structure shows that Chinese words are used to create additional laughter effect. The authors came to the conclusion that chastushka texts and dance couplets are part of a particular genre within the folklore of the Chinese Russian ethnic minority. This ethnic group has its unique hybrid identity, specific household structure, with elements of Russian and Chinese culture naturally coexisting. Furthermore, the paper provides preliminary remarks on the fact that chastushka texts become more melodic when passing to the Chinese language. Currently, there are all necessary conditions for the tradition of chastushka texts in Chinese to exist and develop: the number of elderly Russian-speaking people is decreasing while the younger Chinese Russians not speaking Russian actively participate in the cultural life of their region and are trying to preserve their native traditions.

Keywords: scientific publication of folklore texts, Chinese Russian folklore, PRC, the Three Rivers region, Chinese Russian ethnic minority, folk traditions of the Russian-Chinese borderland, chastushka, couplet.

DOI 10.17223/18137083/70/1

References

Belikov V. I. Russkie pidzhiny [Russian pidgins]. In: *Malye yazyki Evrazii: sotsiolingvisticheckiy aspekt* [Small Eurasian languages: sociolinguistic aspect]. Moscow, 1997, pp. 90–108.

Klyaus V. L. Kitaysko-russkie metisy Trekhrech'ya (KNR): identichnost' vo vremeni i prostranstve [Russian Chinese metis ethnic minority of Three Rivers Region]. In: *Istoricheskaya pamyat' i rossiyskaya identichnost'* [Historical memory and Russian identity]. Moscow, 2018, pp. 247–289.

Musorin A. Yu. Leksika kyakhtinskogo pidzhina [Lexicon of the Kyakhta pidgin]. In: *Funktsional'nyy analiz yazykovykh edinits* [Functional analysis of linguistic units]. Novosibirsk, 2004, pp. 79–86.

List of sources

Bytovyie tantsy i kadrili Krasnoyarskogo kraia: Ucheb.-metod. fil'm [Family dances and quadrilles of the Krasnoyarsk region: Educational and methodical film]. I. N. Gorev, E. V. Popkova (Comps); performers – folklore ensemble “Zhivaya starina” (I. N. Gorev (director), Krasnoyarsk) and folklore ensemble “Zavalinka” (E. V. Popkova (director), Zheleznogorsk). Krasnoyarsk, 2004. DVD.

Elektronnyy resurs: Chto takoe lyubov' [Electronic resource: What is love]. 2019. URL: <http://chto-takoe-lyubov.net/priezzhali-menya-svatat/> (accessed: 2019.03.12).

Mikhaylova A. A. *Zvuchit garmon' Saratovskaya... Traditsionnye naigryshi na saratovskoy garmonike* [Saratov harmonica sounding... Traditional folk tunes on Saratov harmonica]. Moscow, Kompozitor, 2009. (Iz kolleksii fol'klorista [From the collection of the folklorist].)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi Shatskogo rayona [Folk songs and instrumental folk tunes of Shatskiy Raion]. V. Korostylev (auth. of the project); N. Gilyarova (Sci. dir.). Disk no. 7. Russian Disc, 2000. (Audio recordings no. 1–22). (Antologiya muzykal'noobryadovogo fol'klora Ryazanskoy oblasti). RDCD.

Pesni russkikh poetov: Sb.: V 2 t. [Songs of Russian poets: Coll. in 2 vols]. V. E. Gusev (intr., comp., prep. of the text, biogr., comm. and ref.). Leningrad, 1988, vol. 1, 664 p., ill. 8 l.; vol. 2: Seredina 19 – nachalo 20 v. [Mid-19th – early 20th century]. 624 p., ill. 16 l. (Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya [Library of a poet. Large series])

Russkie pesni Vostochnoy Sibiri: Sb. (nar. pesen) [Russian songs of Eastern Siberia: coll. (of folk songs)]. V. P. Zinov'ev (Comp.). Irkutsk, 2006, 252 p.

Ty drobi, drobi, podrug... Chastushki Irkutskoy zemli [Ty drobi, drobi, podrug... Chastushki of the Irkutsk region]. Yu. Lykhin, A. Gorbunov (Comps). Irkutsk, 2012.

Trekhrech'e... Russkiy mir Kitaya [Three Rivers Region... Russian world of China]. Film of V. Klyaus. DVD. Moscow, IWL RAS, 2016.